

В.Г.Дидковская

РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКИЙ ЯЗЫК: О ВРЕМЕНИ И О СЛОВАХ

Рассматриваются лексические новации, появившиеся в русском языке в первые послереволюционные десятилетия. Объектом анализа являются статьи отечественных лингвистов начала прошлого века, а также данные различных словарей. Автор обращает внимание на сходство современной речевой ситуации с «новоязом», сложившимся после октябрьской революции 1917 г.

Ключевые слова: аббревиатура, идеологема, неологизм, переименование, речевая ситуация

В некоторые периоды жизни общества изменения языка особенно интенсивны — это время значительных преобразований в общественной жизни, это время революций. Новые социальные идеалы, новая идеология неизбежно создают новую культуру, в том числе и языковую: «Язык и в его функционировании, и в его исторических изменениях слишком непосредственно связан с социальной и культурной историей, чтобы от них можно было абстрагироваться. Эта связь выступает особенно рельефно в эпохи исторических катаклизмов...» [1].

Как представляется, ни одно из общественных потрясений, пережитых российским государством, не вызвало таких политизированных и целенаправленных изменений в литературном языке, как октябрьская революция 1917 г., особенно в первые послереволюционные десятилетия. Смена политической власти в стране обернулась потрясением для литературного языка. «Мы новый мир построим» — эта строчка «Интернационала», ставшая одним из лозунгов преобразований русской жизни, включала в круг явлений, подлежащих преобразованию, и классический литературный язык — язык «буржуазной культуры» [2].

Оценка новаций, которые внесла в русский язык октябрьская революция, занимала и занимает отечественное языкознание не одно десятилетие; первые языковедческие работы на тему «язык революции» появились уже в 20-е годы прошлого века. В них всячески подчеркивалось непосредственное и положительное влияние революционных событий на состояние языка: «<...> стихия языка смешивалась со стихией революции, языковое творчество сопутствовало творчеству социальному и политическому» [3]. Языковые процессы оценивались в категориях классовой борьбы, например, «революционное словотворчество» рассматривалось как одна из форм уничтожения лексического наследия прошлого. Однако в это же время языковые новшества начинают интерпретироваться не только с использованием политических терминов и рассматриваются не только в социальном аспекте, но и с точки зрения собственных законов языкового развития, как внешних, так и внутренних. Так, Е.Д.Поливанов в статье «Революция и литературные языки Союза ССР» хотя и пишет в духе времени о литературном языке как о классовом или кастовом языке узкого круга интеллигенции (эпохи царизма), но в то же время рассматривает языковые отличия между языком революционной эпохи и языком 1915 или 1913 года как результат общей эволюции языка и дает понять, что не все языковые новшества можно приписать влиянию революции [4].

Одной из первых лингвистических работ, посвященных описанию и осмыслению языковых новаций первого послереволюционного десятилетия стала книга А.М.Селищева «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926», появившаяся в 1928 г. Следует заметить, что материалы, собранные А.М.Селищевым, используются и еще долго будут использоваться как источник для наблюдений над языковыми процессами, происходящими и в нашу эпоху перемен.

Объектом наблюдений, как и следовало ожидать, А.М.Селищев выбирает «революционную речь», поскольку в революционную эпоху «происходит весьма энергичная языковая деятельность», в том числе «в виде ораторской или ораторско-диалогической речи» [5]. Эти особенности тиражируются революционной прессой, усваиваются слушателями революционных речей на митингах и таким образом проникают в речь народных масс. Иными словами, источники процессов, изменивших языковые идеалы общества персонифицированы: это индивидуальная речевая практика людей, руководивших Октябрьской революцией, это речевые предпочтения революционной элиты, представителей новых властных структур, распространявшиеся через революционную же печать. Новые люди — новая власть — новое общество — новый язык — так можно кратко сформулировать общую идею работы А.М.Селищева.

Первым реагирует на изменения в жизни людей словарный состав языка, потому что слово ближе, чем, например, грамматика, стоит к действительности, отображает ее. Именно словарный состав языка рассматривается в современной лингвистике как основа языковой картины мира — общего представления о мире, выраженного средствами языка. Собственно говоря, то, что называют *реальным* миром, — это фактически то, что человек может выразить через язык, поэтому язык, и прежде всего его лексика, служит мощным инструментом воздействия на человека, средством манипулирования человеком и обществом в целом. Следовательно, наблюдения над динамикой лексического состава русского языка в соотнесении с ближайшим прошлым (а для истории языка сто лет — это небольшой срок) позволяют на наглядном и надежном материале

проследить изменения и процессы в мировидении и миропонимании носителей русского языка в «эпоху перемен» второго десятилетия прошлого века.

Материалы, собранные А.М.Селищевым и другими лингвистами в 20-е годы, вызывают ассоциации с описанием социального переустройства общества и его лингвистических результатов в романе Дж.Оруэлла «1984». Классификация революционных новаций, характеристика отдельных групп лексики заставляет вспомнить основные свойства новояза: этот язык создан для того, чтобы выражать идеологию определенного общественного строя (у Оруэлла — Ангсоца). Это «спланированный» язык, противопоставленный «естественному» Староязыку, которым должны перестать пользоваться к 2050 г. Он навязывается со стороны и нарушение его принципов рассматривается как отступление от языковой идеологии. Новоязык должен выражать такие понятия и идеи, которые *нельзя выразить иными средствами*, и в то же время «неправильные мысли», выраженные на Староязыке, нельзя оформить средствами Новоязыка¹. Безусловно, язык послереволюционного десятилетия, а затем и советского времени не новояз из романа «1984», однако он выполняет то же предназначение — это прежде всего специфический социальный инструмент, выполняющий задачу внедрения новой идеологии в массовое сознание. Правда, в отличие от вымышленного новоязыка «этот инструмент создается из подручных языковых средств, из тех речевых особенностей, которые ... присутствовали в языке революционеров еще до революции и приобрели гипертрофированное значение, когда они пришли к власти. То, что раньше существовало в качестве окказиональных (нередко субстандартных) вариантов и маргинальных явлений, теперь становится чертами доминантной языковой деятельности, указывающими на принадлежность говорящего (пишущего) к новому господствующему классу и необходимыми для социального успеха в новых условиях» [1, с. 175-200].

Первым и главным новшеством революционной эпохи в русском языке признавалось и признается появление новых слов, связанное с появлением новых понятий. «Значительное отличие языка революционного времени после 1917 г. от языка более раннего времени заключается еще в том, — писал А.М.Селищев, — что появились новые термины, новые значения в связи с новыми явлениями, предметами, относящимися к 1917 и последующим годам» [4, с. 68-69]. Это относится в первую очередь к новым заимствованным словам, называющим новые «революционные» реалии: *комиссар, депутат, мандат, пролетариат, реквизиция, гегемон* и т. п. Некоторые из них стали словами-идеологемами новой эпохи, которые использовались и сторонниками, и противниками новой власти (ср. пометы *книжн.* в одних словарях *ирон., презр.* — в других). К их числу можно отнести слово *гегемон*, вошедшее во все словари советской и постсоветской эпохи. Его идеологическая символичность подчеркивается, например, в способе лексикографического описания, который находим в Словаре иностранных слов издания 1949 г.: **Гегемон** — из греч. Вождь. Руководитель, носитель *гегемонии*. Затем следует слово *гегемония*, представленное не только как отдельная вокабула, но и в составе сочетания *Гегемония пролетариата*, которому посвящена отдельная пространная словарная статья (руководство пролетариата трудящимися в революционной борьбе за свержение власти буржуазии, за пролетарскую диктатуру...), с упоминанием Маркса и Энгельса, Ленина и постановления ВКП(б), с цитатой из работы Сталина [6].

Не все слова революционной эпохи были абсолютно новыми — новые значения получали слова «старого языка», в которые вкладывалось революционное содержание: *товарищ, партийный* (принадлежащий только к коммунистической партии), *выступление* (восстание), *совет* (рабочих и крестьянских депутатов), *вычистить* (исключить из партии неподходящих членов), *ячейка* (партийная организационная группа), *аппарат* (органы управления) и т. д. Другие «старые слова», сохранив значение, приобрели идеологически окрашенное оценочное значение: например, в Толковом словаре Д.Н.Ушакова слову *интеллигент* дается следующее толкование: 1. Лицо, принадлежащее к интеллигенции. 2. *То же, как человек, социальное поведение к-рого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (презрит.)*. Вот она, психология российского интеллигента: на словах он храбрый радикал, на деле он подленький чиновник. Лнн.» [7]. В нем же приведено новообразованное слово *интеллигентщина* с пометами (нов. разг. презр.). Новому разоблачительному функционированию этого слова в немалой степени способствовало его использование в работах В.И.Ленина в виде и в составе разнообразных оценочных производных: *интеллигентик, интеллигентшишка, интеллигентщина, интеллигент-индивидуалист, интеллигент-истерик, интеллигент-манилов, интеллигентик-мещанин, интеллигентски-обывательский, интеллигентски-пошлый* и др. Нельзя не согласиться с П.Н.Денисовым, что это «свидетельствует о трудных путях русской интеллигенции и переломе двух эпох — от России царской к России социалистической...» [8].

Новая жизнь должна была создать новых людей, которые будут жить в новом мире, в языковой практике это породило явление, получившее в работах по языкознанию название процесса переименования объектов, в результате которого создавалось новое социальное пространство и новую систему антропонимов. Так, получали новые имена города, площади, улицы (*Черкесск* стали называть *Ежово-Черкесск, Цхинвал — Сталинири, Донецк — Сталино, Гатчина — Троцк, Невский проспект — Проспект 25 Октября* и др.). Утверждение нового человека тоже происходило через так называемое «отрицание святцев», т.е. формирование нового именика, что рассматривалось в советской послереволюционной прессе как средство антирелигиозной пропаганды. «Молодежь сжигает свое религиозное прошлое», — писала газета «Известия» в 1924 г., рассказывая о послереволюционном «перекрещивании» как показателе социального и духовного здоровья народа: Степанова Нина взяла имя Нинель, Широкова Марина — Октябрина, Демидов Петр — Лев Троцкий,

Смолин Николай — Марат Тендро, Гусев Павел — Лев Красный, Клубышев Николай — Рэм Пролетарский, Челышев Иван — Иван Красный. Эту выписку приводит К.Васильев в предисловии к книге П.А.Флоренского «Имена». *Авангард, Индустрия, Мэлор (Маркс, Энгельс, Ленин), Ревмир, Рем (революция мировая), Револа, Революта, Ренат (революция, наука, труд), Рикс (рабочих и крестьян союз), Ор (Октябрьская революция), Рада (рабочая демократия), Сталь, Сталий, Вилен, Вилор, Вилорий, Виль, Владиль, Гертруд, Май, Искра, Победа, Комсомол, Пионер, Товарищ, Командир* — вот только некоторые из советских имен первых послереволюционных десятилетий, представленные в «Толковом словаре языка Совдепии» [9] и отмеченные в книге В.Д.Бондалетова «Русская ономастика» [10].

Массовое творчество новых слов — самый революционный способ пополнения революционного словаря. Оно использовало или традиционный способ создания сложных слов с соединительной гласной (например, *правоучение* — пример Е.Д.Поливанова), или прием аббревиации — он более всего сближает революционный язык с новоязом. Слова такого типа в совокупности получили у Оруэлла название «уткоязык» («язык, кричащий как утка»): *РКК* (не путать с РККА), *РОСБОАМБ* (республиканская комиссия по борьбе с амбарными вредителями), *Всеколес* (комитет по лесоразработкам), *Трамот* (транспортно-материальный отдел), *Аснова* (ассоциация новых архитекторов), *НОЖ* (новое общество живописцев). Возникали целые серии сложносокращенных слов, образованных по шаблону — *Росглавдрожжи, Росжирмасло, Росмясо, Роспатока, Росспирт, Росхмель, Ростиво, Росшерсть* (ср. в романе «1984»: минимир, минилуб, миниправ, Инфодел, Худдел, Теледел). Человек, не знакомый с этим советским жаргоном, чувствовал себя растерянным: А.М.Селищев приводит цитату из газеты «Трудовая копейка» за 1923 год: «Крестьяне, приезжающие в город по своим делам, теряются в массе этих нелепых и странных названий» [11]. Он отмечает, что они невразумительны, оторваны от других слов русского языка, противоречат принципу словообразования и труднопроизносимы.

Парадокс революционной и послереволюционной языковой ситуации состоял в том, что наряду с идеологическими новациями представители новой власти широко использовали в печатной и устной речи церковнославянизмы и архаизмы «для выражения повышенного настроения», как пишет А.М.Селищев: *На голгофе пролетарской революции буржуазия распяла еще одного мученика-революционера! Мировая революция грядет...* Из архаизмов (славянизмов), использованных революционной печатью, он указывает *сугубый, сугубо, некий, иже с ним, грядет, стезя, приемлет, всуе, тем паче, вопиет, одесную, приснопамятный, дондеже, благо, ничтоже сумняшеся, все и вся* и т. д. Употребление этих элементов он объясняет особым стилистическим заданием — их «выразительностью», «стремлением к выражению эмоционального содержания... или к выражению иронии» [11, с. 149]. Вполне возможно, что в данном случае наблюдается апелляция к «текстовой памяти» подобных слов. Они наделены, по выражению Г.О.Винокура, «экспрессией старины и церковности», обусловленной тем, что их современное значение сдвинуто в сторону «высокого», «умозрительного» содержания. Эти ассоциации определяются наличием у носителей языка ощущения связи таких слов с неким исходным текстовым источником: ассоциативной или непосредственной связью с религиозными, в первую очередь, библейскими текстами [12], ведь Библия долгое время была книгой для домашнего чтения в русских семьях (без различия сословий). Вероятно, поэтому в ораторских выступлениях, в статьях руководителей Советского государства так активно использовались слова *вера* и *верный*, включенные в новые идеологические контексты: *вера* — *глубокая, несокрушимая, пламенная, безграничная вера в народ, партию, революцию; верный* — *партии, ленинцу, заветам Ленина* и т. д.

И наконец, можно отметить «новую варваризацию» литературного языка, связанную с широким употреблением грубых, вульгарных, жаргонных, обценных слов, отрицающих «вежливость» старого режима. Это открывало пути для проникновения в революционную речь элементов «классовых и профессиональных диалектов»: фабрично-заводских рабочих, революционных матросов — «морской» братвы, «блатного» жаргона людей темных профессий. В результате сформировался, как писал В.М.Жирмунский, особый «речевой стиль пролетариата», который, в эпоху социалистической революции проникая в национальный язык, способствует переосмыслению языковых стандартов господствующего класса [13]. А.М.Селищев приводит пространную цитату из статьи Н.Марковского «За культуру комсомольского языка», появившейся в журнале «Молодой большевик» за 1926 год. Марковский конструирует фразу из «неправильного» комсомольского языка, наполненную жаргонными элементами: «Я надел клифт и колеса и пошел на малину к корешку». Правда, автор призывает бороться с таким языком и при этом замечает: «Всякий комсомолец, всякий молодой рабочий должен говорить на своем, на культурном языке, а не каком-то блатном. Наш язык — наше достижение, наша культура. Не нужно бояться образованности, не нужно бояться интеллигентности» [11, с. 118-119].

Исследователи современной речевой ситуации отмечают ее сходство с той, которая сложилась после октябрьской революции 1917 г. Дело в том, события конца XX века по своему воздействию на общество и язык сопоставимы с революционными преобразованиями 10-х — 20-х годов начала века. Как пишет М.Кронгауз, в русском языке случилась «гигантская перестройка <...> под влиянием сложнейших социальных, технологических и даже природных изменений», и потому он уже никогда не будет таким, как прежде. Эти перестроечные изменения — вульгаризация и общее снижение культуры речи, обвал иноязычных заимствований, распространение непонятных новых сложносокращенных слов, общее расшатывание старых литературных норм и др. — принято рассматривать как отражение и продолжение черт «пролетарского языка». Однако следует заметить, что их источники имеют гораздо более глубокие языковые корни. Другое дело, что

идеологическая функция этих новаций приобретает ту же значимость, что и после революции. Все так же, замечает М.Кронгауз, поле битвы проходит по нашему языку.

1. Живов В.М. Язык и революция: Размышления над старой книгой А.М.Селищева «Язык революционной эпохи» и над процессами, которые Селищев не успел описать // Отечественные записки. 2005. № 2(23). С. 175.
2. Державин К. Борьба классов и партий в языке Великой французской революции // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия / Сост. Ф.М.Березин. М.: Высшая школа, 1981. С. 97.
3. Поливанов Е.Д. Революция и литературные языки народов ССР // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия / Сост. Ф.М.Березин. М.: Высшая школа, 1981. С. 110-111.
4. Селищев А.М. Язык революционной эпохи // Труды по русскому языку. Т. 1. Социolingвистика. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 65, 47-279.
5. Сорокин Ю.А., Кулешова О.Д. Дж.Оруэлл и принципы его новоязыка с лингвистической точки зрения // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность / Ин-т русского языка РАН. М., 1995. С. 250-259.
6. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В.Лехина и Ф.Н.Петрова, 3-е перераб и дополн. изд. М., 1949. С. 144-145.
7. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова: В 4 т. Т. 1. М., 1935. Стб. 1214.
8. Денисов П.Н. Словарь языка В.И.Ленина как новый тип словаря // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 12.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
10. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
11. Селищев А.М. Революция и язык. Выразительность и образность языка революционной эпохи // Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 145.
12. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 43-73.
13. Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия / Сост. Ф.М.Березин. М.: Высшая школа, 1981. С. 118-119.

References

1. Zhivov V.M. Yazyk i revolyutsiya: Razmyshleniya nad staroy knigoy A.M.Selishcheva «Yazyk revolyutsionnoy epokhi» i nad protsessami, kotorye Selishchev ne uspel opisat' // Otechestvennye zapiski. 2005. № 2(23). S. 175.
2. Derzhavin K. Bor'ba klassov i partiy v yazyke Velikoy frantsuzskoy revolyutsii // Istoriya sovetskogo yazykoznaneya. Nekotorye aspekty obshchey teorii yazyka: Khrestomatiya / Sost. F.M.Berezin. M.: Vysshaya shkola, 1981. S. 97.
3. Polivanov E.D. Revolyutsiya i literaturnye yazyki narodov SSR // Istoriya sovetskogo yazykoznaneya. Nekotorye aspekty obshchey teorii yazyka: Khrestomatiya / Sost. F.M.Berezin. M.: Vysshaya shkola, 1981. S. 110-111.
4. Selishchev A.M. Yazyk revolyutsionnoy epokhi // Trudy po russkomu yazyku. T. 1. Sotsiolingvistika. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. S. 65, 47-279.
5. Sorokin Yu.A., Kuleshova O.D. Dzh.Oruell i printsipy ego novoyazyka s lingvisticheskoy tochki zreniya // Yazyk — sistema. Yazyk — tekst. Yazyk — sposobnost' / In-t russkogo yazyka RAN. M., 1995. S. 250-259.
6. Slovar' inostrannykh slov / Pod red. I.V.Lekhina i F.N.Petrova, 3-e pererab i dopoln. izd. M., 1949. S. 144-145.
7. Tolkoviy slovar' russkogo yazyka / Pod red. D.N.Ushchakova: V 4 t. T. 1. M., 1935. Stb. 1214.
8. Denisov P.N. Slovar' yazyka V.I.Lenina kak noviy tip slovary // Voprosy yazykoznaneya. 1985. № 1. S. 12.
9. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Tolkoviy slovar' yazyka Sovdep'ii. SPb.: Folio-Press, 1998. 704 s.
10. Bondaletov V.D. Russkaya onomastika: Ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov. M.: Prosveshchenie, 1983. 224 s.
11. Selishchev A.M. Revolyutsiya i yazyk. Vyrzitel'nost' i obraznost' yazyka revolyutsionnoy epokhi // Izbrannye trudy. M.: Prosveshchenie, 1968. S. 145.
12. Yakovleva E.S. O ponyatii «kul'turnaya pamyat'» v primenenii k semantike slova // Voprosy yazykoznaneya. 1983. № 3. S. 43-73.
13. Zhirmunskiy V.M. Natsional'niy yazyk i sotsial'nye dialekty // Istoriya sovetskogo yazykoznaneya. Nekotorye aspekty obshchey teorii yazyka: Khrestomatiya / Sost. F.M.Berezin. M.: Vysshaya shkola, 1981. S. 118-119.

Didkovskaya V.G. Revolution and Russian language: about time and words. The author considers lexical innovations that appeared in the Russian language in the first post-revolutionary decades. The subject of the analysis are articles of Russian linguists of the beginning of the last century, as well as data from various dictionaries. The author draws attention to the similarity of the modern speech situation to the “newspeak”, formed after the October Revolution of 1917.

Keywords: abbreviation, ideologeme, neologism, renaming, speech situation.

Сведения об авторе. В.Г.Дидковская — доктор филологических наук, доцент, НовГУ им. Ярослава Мудрого, отделение филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, кафедра русского языка, Pobeda.49@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.